

УДК 82-14

Своеобразие московского дискурса в поэзии Вероники Тушновой.

The identity of Moscow discourse in poetry of Veronika Tushnova.

Скубко М.Д.

Аннотация. В статье рассмотрены особенности московского дискурса в ранней и поздней лирике В.М. Тушновой. Автор статьи выделяет и систематизирует художественные средства, которые использует В. Тушнова для создания московской атмосферы. Рассмотрены цели и способы введения московского дискурса в лирику, особенности его функционирования.

Ключевые слова: лирика, дискурс, городской пейзаж, Вероника Тушнова, Москва.

Skubko M.D.

Abstract. The article considers the identity of Moscow discourse in poetry of Veronika Tushnova. The author of the article defined and systematized artistic means, that Veronika Tushnova used for creating the Moscow atmosphere. The article considered the purposes and ways to introduce Moscow discourse in the poetry, its functioning.

Key words: poetry, discourse, cityscape, Veronika Tushnova, Moscow.

В стихотворениях В.М. Тушновой перед нами встает особенная Москва, представленная удивительным образом благодаря авторскому стилю поэтессы. Цель настоящей статьи – выделить и систематизировать художественные средства, которые создают московский дискурс в стихотворениях В.М. Тушновой.

Московский дискурс в поэзии В.М. Тушновой не является цельным на протяжении всего ее творческого пути. Если в раннем творчестве он

показан вполне традиционно, то в период зрелого творчества приобретает яркие индивидуальные черты. По этому причине правомерно рассматривать эти два периода по отдельности.

В 40-х годах в жизни В.М. Тушновой произошло несколько событий: она переехала в Москву, родила дочь, ушла на фронт санитаркой и начала публиковать свои стихи. Московский дискурс в раннем творчестве поэтессы насквозь пронизан чувством глубокой трагедии. Тема города, тема войны и тема материнства плотно переплетаются друг с другом и, слушая завывания тревоги, героиня думает лишь о своей дочке: «Как хорошо, что ты еще мала...» [2, с.85], радуясь хотя бы тому, что малышка не способна осознать весь ужас ситуации.

Страх за родных, оставшихся в городе, преследует тех, кто на фронтах. Это описано в стихотворении «Разговор с Москвой» – люди выстроились в очередь в переговорной, чтобы получить возможность позвонить в Москву и узнать, все ли в порядке у близких: «В Москве тревога – это знали все // и ждали долго, хмуро и упорно» [2, с.43].

Контраст между военным бытом – и воспоминанием о милом, оставленном в Москве доме, выливаются в горькую строку: «Я позабыла, что в Москве темно» [2, с.42]. Лирическая героиня в стихах В.М. Тушновой тоскует по этому покинутому дому и с нетерпением ждет встречи с ним: «На запад, на запад, где дремлет Москва, // где в облаке сизом – родная моя» [2, с.57]. Но возвращение домой не приносит долгожданного облегчения: сердце героини омертвело в той страшной войне, она разучилась радоваться. И здесь начинает проявляться та черта, которая вполне раскроется только в зрелой лирике Тушновой, – одушевление города. Москва становится другом, который оказывает поддержку, и этому другу героиня обещает: «Милый город, подожди немногого, – // я смеяться снова научусь» [2, с.59].

Война не собирается сдавать позиции и преследует героиню. Старые улочки и дома вызывают только страшные ассоциации. В каждом человеке, которого героиня встречает на пути, она острым взглядом находит черты горя. Квинтэссенцией этого чувства становится стихотворение «Мать». Героиня вспоминает совсем юного солдата, который умер у нее на руках, и ей видится вся его судьба: как он жил в квартирке на Бронной, как его любила мать, как она провожала его на вокзал. И в незнакомой женщине героине чудится она – мать солдата, которого не удалось спасти. Живая трагедия глядит из каждого глаз.

В стихотворениях этих лета Москва уже предстает перед нами как живое существо: «...твоих домов янтарные глаза, // твоих мостов негнущиеся крылья» [2, с.42].

При этом образ Москвы конкретен: упоминаются Москва-река, Нескучный сад, памятник Пушкину, Бульварное кольцо, Арбат, Бронная, Патриаршие пруды. Упоминающая топонимика весьма ограничена и принадлежит к одному городскому району: именно там находился дом Тушновой. Она слишком недолго успела пожить в Москве до войны, но достаточно для того, чтобы именно этот город стал ее домом.

Рассмотрим подробнее, какие художественные средства использует В Тушнова, чтобы создать московский дискурс.

I. Антропоморфизация Москвы.

1. Использование приема олицетворения. Во всех стихотворениях Москва предстает не как город, а как живое существо: «твоих домов янтарные глаза», «твоих мостов негнущиеся крылья», «дремлет Москва». Военная трагедия переживается Москвой как живым человеком, и мы сочувствуем городу, чувствуем его как нечто живое, дышащее.

2. Обращение к Москве как к живому существу. В разных стихотворениях используются разные обращения: «Москва моя!», «родная Москва моя!», «отчизна моя!», «милый город». Лирическая героиня

постоянно ведет диалог с городом. Кульминация этого диалога – стихотворение «Вот и город. Первая застава...» (1946) [2, с.59]. Возвращение в Москву омрачено памятью о венных днях, и героиня находит утешение у любимого города. Она чувствует вину перед городом за то, что не способна вполне радоваться своему дому. Создается впечатление, что сочувствующий, живой город тревожится о героине, и та утешает его обещанием: «Милый город, подожди немного, // – я смеяться снова научусь». Москва-друг, Москва-родной человек рисуется перед нами в этих строках.

II. Создание зрительных образов.

1. Создание цветовой гаммы.

Цветовые акценты играют важную роль при создании настроения в стихотворении. Тушнова играет с цветами как художник, создавай атмосферу последовательно и тонко.

Особое место занимает в стихах о военной Москве желтый цвет – предвестник тревоги. В первую очередь с его помощью рисуется осенняя Москва 1941 года, наполненная яркими и теплыми тонами. Эта яркая картинка представляет мучительный контраст в стихотворении «Октябрь 1941 года» [2, с.47–48]: «оправлен город в золото и медь», «в листьях пурпуром гореть», «листва, беззвучна и ярка», «желтая высокая заря». На фоне этой праздничной картинки встает трагический вопрос: «Как солнце в небе не потупит взгляда, // когда такое горе у дверей?».

Мирная Москва наполнена природными цветами, зеленым и синим. Это не серый урбанистический мегаполис. В московских пейзажах, которые рисует Тушнова, преобладает сельский колорит: «Москвы-реки рябая синева», «в осеннем сквере палевой песок», «ржавый лист на тишине воды», «садовая тень».

2. Создание игры света и тени.

Для обозначения тревожного положения Москвы в военное время поэтесса активно использует игру с тенями. Например, целый пласт подобных образов возникает в стихотворение «Утро» [2, с.41–42]: «в сумраке глухом», «затемненные окна», «когда темно и день еще не начат». Мучительным контрапунктом звучит финальная строка: «Я позабыла, что в Москве темно». В контексте за этим «темно» стоит война. Таким образом, архетипичный образ темноты представляет нам Москву военную.

Именно над «черною, затихшую Москвою» «завывает первая тревога», и отъезд из Москвы совершается в темноте: «А после ночь. Без искры света // свершался необычный путь».

Соответственно, победа приходит в город как свет: «Тебе ж видны одни потоки света...». Военная ночь заканчивается, и Москва снова озаряется светом.

III. Создание тактильных образов.

1. Игра с холодом и теплом. Война ассоциируется не только с темнотой, но и с холодом. Особенно последовательно это выражено в стихотворении «Утро», где происходит нагнетание образов: «медленные льдинки», «течет по сердцу струйка ледяная», «звонкий холод», «как дует в щели рам», «чужая холодная кухня», «колючий дождь», «нахохленные куры», «дыханьем грею синие ладони». Хотя лирическая героиня стихотворения находится в этот момент не в Москве, но этот всеобъемлющий холод проникает и туда. Рисуя в своем воображении довоенную Москву, героиня забывает, что и там сейчас война, ей кажется, что в Москве – тепло и светло. Но в конце она вспоминает, что это не так.

Холоду войны противопоставляется тепло человеческих отношений, тепло сердечной доброты. Это то, что может преодолеть любые напасти. В стихотворении «Октябрь 1941 года» [2, с.47–48] этим теплом проникнута вся вторая часть: «теплота на сердце», «обогрет», «как тепло».

Квинтэссенция тепла звучит в finale стихотворения «Костер» [с. 78–79]: «...отогреем мы сердца и руки // у родного русского костра».

Еще одним источником тепла для лирической героини становится ее дочь: «Я никогда не думала, что дети // приносят столько мира и тепла». Ребенок, еще не способный осознать масштаб катастрофы, дает силы преодолеть эти трудные и темные дни. Необычно обыграна эта тема в стихотворении «В оцепененье стоя у порога...» [2, с.85–86]. Описывая ужасы военной Москвы, героиня повторяет рефреном, глядя на дочь: «Как хорошо, что ты еще мала». Но когда пришел победный май, интонация меняется: «Как жалко мне, что ты еще мала!» Хочется поделиться слепящей радостью с дочкой, но она все еще мала для того, чтобы оценить все значение победы.

IV. Использование простых бытовых деталей.

Конкретизируя московскую жизнь, Тушнова использует нагнетание бытовых деталей. Например, так рисуется война в стихотворении «Октябрь 1941 года» [2, с.47–48]: «...опять носилки, костили, бинты, // страданье, кровь, простреленные груди // и хриплый бред палатной темноты. // Раздача чая, и разборка почты...».

Совсем другие образы описывают мирную жизнь в стихотворении «Утро»: «прозрачный парк», «хрупкие байдарки», «легкий флаг», «резная пристань», «Нескучный сад в торжественной парче», «у Пушкина на бронзовом плече». Мирная Москва наполнена живой природой и культурными отсылками.

Полнокровно и живо встает перед нами образ московского быта в стихотворении «Мать» [2, с.88–90]: «На кухне примуса, // похожий на ущелье коридор, // горластый репродуктор, // вечный спор // на лестнице... ребячья голоса...».

Подводя итоги анализу первого этапа творчества В.М. Тушновой и московского дискурса в нем, отметим синкретизм эмоционального

состояния лирической героини с физическим состоянием города. Особую роль в создании военного дискурса имеют игра света и тени и игра тепла и холода. Создание полнокровного живого образа города происходит благодаря приему олицетворения: Москва одушевляется. Общий московский быт рисуется щедрым нагнетанием бытовых деталей, раскрашенных цветовыми акцентами – поэтесса рисует полноценные словесные картины.

В зрелой лирике дискурс преображается кардинальным образом. Уходит в прошлое трагический военный оттенок, исчезает конкретика. Авторский стиль Тушновой уже выработался и устоялся, для него характерен почти языческий синкетизм города реального с городом метафизическим. Москва, все еще узнаваемая, теряет конкретные привязки к реальности и становится абстрактным городом – лишь по биографическим данным мы можем реконструировать топонимическую принадлежность описываемых реалий.

Если в ранней лирике Москва одушевлялась, то в поздней это трансформируется в совершенно новый подход. Москва видится лирической героиней через призму ее чувств к любимому мужчине. Город становится атрибутом любви; город наполняется новым смыслом благодаря любви. С этого момента Москва уже не появляется в стихотворении как банальный классический топос – это всегда метафизическое пространство любящих.

Сама Тушнова отрефлексировала это явление в переломном для городского дискурса стихотворении «Твоя улица»: «Мне каждый кустик мил на ней // и каждый камень... // А бывало, // я шла по улице твоей // и ничего не замечала. // Был сад как сад // и дом как дом...» [2, с.155]. Поэт сравнивает свое прошлое отношение к городу с новым, и в новой реальности это «дом как дом» преображается и наполняется сакральным

смыслом. Любовь к мужчине одухотворяет и город, в котором он живет. Отныне Москва для Тушновой – это история о любви.

Если в стихотворения и возникают еще конкретные топосы, то и они теперь переосмысяются. Так произошло, например, с Патриаршими прудами: «А помнишь, мы пришли расстаться // на Патриаршие пруды? // Вода была, как небо, черной, // полночный сквер безлюден был, // кленовый лист // позолоченный, // слегка покачиваясь, плыл...» [2, с.205]. В тот раз расставание между героями не стало длительным, но в сердце героини Патриаршие пруды продолжали жить именно как символ расставания, который грозно и неумолимо напоминал о том, что однажды возьмет свое: «А ты со мною и поныне, и вот уже прошли года, и счастье наше – навсегда... А где-то стынет, // где-то стынет // ночная черная вода» [2, с.205].

Единство метафизического пространства подчеркивается отсутствием деления на строфы: «строфическое деление могло бы нарушить единство и цельность чувства героини» [1].

Что касается этого второго периода, то вот какие художественные средства использует поэтесса, чтобы сакрализировать московский дискурс.

I. Параллелизм между природными явлениями и движениями души.

В стихотворении «Скора» [2, с.138] размолвка с любимым обозначена томительным закатом, печаль перекликается с облаками, обида подчеркивается духотой. Тоска отдается жаром асфальта в стихотворении «Раскаленное...» [2, с.376–377]: «...сердце сдавливает тоской // беспощадный зной городской».

«Ночная черная вода» в стихотворении «Нет, нет, мне незачем бояться...» [2, с.205] становится символом расставания. Тоска по любимому в стихотворении «Хмурую землю...» [2, с.303–305] выражается в постоянной темноте: «Утром темно, и в полдень темно...».

В стихотворении «Мы шли пустынной улицей вдвоем...» [2, с.142] чувство распускающейся в сердце любви настигает героев в «рассветный час».

Когда героиня счастлива, и город выглядит по-особому, как в стихотворении «Иду я по городу» [2, с.577–578]: «...сердце мое // переполнено силами, // кажется мне мостовая парчовой, // так празднично в ней // отраженья струятся...».

Символом веры в любовь становится дуб, который героиня видит из окна своего дома (стихотворение «Дуб», [2, с.583]). По весне он дольше, чем другие деревья, не хочет распускаться, – и отчаяньем наполнено сердце героини. Но вот, дуб выпускает зеленые листочки – и сердце героини начинает верить, что любимый придет.

II. Москва выступает как союзник в любви.

Например, в стихотворении «Скора» [2, с.138] московский пейзаж служит поводом для примирения: «Милый! Какая луна над Москвою...».

В стихотворении «Нет, нет, мне незачем бояться...» [2, с.205] Москва не одобряет намерение лирических героев расстаться. Всегда наполненная звуками, Москва вдруг преображается: «И отчего-то все молчало». Город словно не хочет участвовать в этой сцене, самоустранился из нее.

III. Московские пейзажи выполнены в сельском, а не в урбанистическом ключе.

Москва Вероники Тушновой ни капли не похожа на шумный и строгий мегаполис. Она отмечает в городе детали живой природы, видит в первую очередь деревья и цветы, небо и реку.

Например, стихотворное «Утро» [2, с.375] все пронизано именно таким духом: «Еще пустынно, знобко, сонно, // трава купается в росе. // Шмелиной музыке внимая, // вникаю в птичью кутерьму...».

Символ победы природы над городом – соловей из одноименного стихотворения [2, с.224–225]: «...у нас под окном соловей поет, // в центре города – соловей! // А камень // стеной обступает двор...».

Лирическая героиня хочет, чтобы и другие жители города заметили это природное, настоящее. Вестники такого настоящего – незабудки из стихотворения «Незабудки» [2, с.228–229]: «Голубыми, // чуть слышными голосами // напоминали прохожим робко, // что есть темнота, // и ручьев плесканье, // и промятая в мокрой осоке // тропка».

IV. Москва выступает как «город света», источник счастья.

Особенно ярко это демонстрирует стихотворение «Ливень» [2, с.227]. Веселая и почти детская картинка – «То ударил над Москвой // летний ливень навесной». Потоки воды преобразили город, в лужах отражается небо, и кажется, будто прохожие идут по небу: «В облаках они идут, // все с улыбками идут, // все сегодня // счастья ждут!».

Полнота единения с городом отражена в стихотворении «Просыпаюсь с той же улыбкой» [2, с.486–487]. Лирическая героиня бродит по Москве: «...забредаю в какой-то старый каменный дворик, // кланяюсь дому, – какой ты прекрасный, древний...». И город отвечает ей, «...это небо само спускается, // льнет и ласкается...».

Подводя итоги, отметим, что московский дискурс в поэзии В.М. Тушновой неоднороден. В раннем творчестве он весь пронизан ощущением трагедии войны, перед нами рисуется полномасштабное полотно, иллюстрирующее эту трагедию.

По-настоящему самобытной становится Москва в позднем творчестве поэтессы, где город сакрализируется за счет единства его метафизического содержания с эмоциональным внутренним миром героини, наполненным любовью.

Использованная литература.

1. Маллалиев Г. Н. Поуроневый текстуальный анализ как инструмент раскрытия идейно-эстетического потенциала литературного произведения (к проблеме целостного анализа художественного текста) // Известия ДГПУ. Общественные и гуманитарные науки. 2009. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pourovnevyy-tekstualnyy-analiz-kak-instrument-raskrytiya-ideyno-esteticheskogo-potentsiala-literaturnogo-proizvedeniya-k-probleme> (дата обращения: 28.06.2018).
2. Тушнова, В.М. Полное собрание стихотворений и поэм в одном томе / Вероника Тушнова. – М.: Издательство «Э», 2017. – 640 с. – (Полное собрание сочинений).